

ВѢЧНОЕ

VI

1948

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Радость вѣчной жизни. Еп. Никонъ.
 2. Наша жизнь не ограничивается земнымъ существованіемъ. Прот. Сергій Четвериковъ.
 3. Мысли объ усопшихъ. Еп. Теофанъ.
 4. Помянаніе усопшихъ.
 5. Молитва за усопшихъ. Изъ жизни митр. Филарета.
 6. Поученіе о воскресеніи мертвыхъ. Изъ слова св. Іоанна Златоуста.
 7. Святоотеческое толкованіе на Евангеліе отъ Матфея: Искушеніе отъ діавола. Первая проповѣдь Господа въ Галилеѣ.
-

ВЪЧНОЕ

L'ETERNEL

ежемесячный журналъ

іюнь 1948 г.

Епископъ Никонъ.

РАДОСТЬ ВЪЧНОЙ ЖИЗНИ.

«Воскресе Христосъ, и жизнь царствуетъ! Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда?... (Изъ Слова Святит. Іоанна Златоустаго на Св. Пасху).

И это — не греза, не мечта, это — не красивая фраза, это — истина, совершившійся фактъ! Смерть побѣждена смертью Христовой и не должна уже больше пугать своимъ приходомъ душу христіанина. Что смерть для вѣрующаго во Христа, когда онъ знаетъ, что ради него черезъ смертную сѣнь прошелъ его Спаситель, чтобы избавить его отъ страха смерти и воскресить съ Собюю? Что смерть для того, кто живетъ ли — для Господа живетъ (какъ говоритъ апостолъ Павелъ, Римл. 14, 8) и умираетъ ли — для Господа умираетъ, кто знаетъ, что эта смерть не въ состояніи отлучить его отъ любви Божіей?

Съ какой радостной надеждой отходить въ вѣчность тѣ, которые и здѣсь жили въ Богѣ и для Бога! Не только на аренѣ древняго цирка, при торжественномъ исповѣданіи своей вѣры передъ всѣмъ языческимъ міромъ, лица умирающихъ сіяли «какъ лицо ангела», но и во всѣ вѣка, во

всѣхъ положеніяхъ — и въ пустыняхъ, и въ кельѣ монастыря, и среди подвиговъ скромной повседневной жизни въ міру, и великіе сонмы исповѣдниковъ и мучениковъ за св. вѣру на «всемирной аренѣ», каковой давно уже является наша многострадальная Россія, умирали ли вѣрующіе въ страшныхъ и жуткихъ по казнямъ лагеряхъ Германіи или кончаются прошедшіе «чрезъ огонь страданій» въ нынѣшнихъ безчасленныхъ лагеряхъ Ди Пи, — всѣ они отходили и отходятъ въ вѣчность тихо, спокойно, съ предчувствіемъ неизрѣченной радости, уготованной Господомъ «всѣмъ любящимъ Его».

«Я приду и возьму васъ съ Собою, чтобы и вы были, гдѣ Я» (Ин. 14, 3). Вотъ она — смерть христіанина. Какое должно быть блаженство, умирая, сознавать, что идешь на этотъ таинственный призывъ! Не даромъ и Св. Церковь каждый день спрашиваетъ намъ у Бога кончины безболезненной, непостыдной, мирной.

Въ тяжеломъ, безотрадномъ раздумьѣ стоитъ передъ фактомъ смерти «естественный», не рожденный «отъ воды и Духа» человѣкъ; стоитъ такъ же, какъ стоялъ предъ нимъ сотни и тысячи лѣтъ тому назадъ. Никогда не могъ онъ примириться съ этимъ фактомъ, потому что душа человѣка, по самой своей природѣ, жаждетъ божественности. Но до пришествія въ міръ Христа Спасителя не было у человѣка той радостной увѣренности въ загробномъ бытіи, въ сознательной разумной жизни, которая продолжается и возрастаетъ въ вѣчности, каковую принесло въ міръ только Евангельское ученіе.

До Христа Спасителя жизнь для мыслящихъ людей была только загадкой, которую ни одинъ человѣческій умъ не могъ разгадать. Вотъ передъ нами древній Египетъ... Древнѣйшій изъ культурныхъ народовъ... Гигантскія пирамиды, колоссальные сфинксы, огромные храмы и обелиски среди прилегающихъ къ Египту необозримыхъ мертвыхъ пустынь... Памятники культуры, до сихъ поръ поражающіе насъ, понимающихъ, когда мы смотримъ на нихъ, почему еще въ древности Египетъ назывался «страною чудесъ»... И всѣ эти памятники «обязаны своимъ происхожденіемъ мысли о смерти, а не о жизни. Таинственный моментъ, которымъ оканчивается видимая жизнь, неизвѣстное будущее за этимъ видимымъ бытіемъ — вотъ чѣмъ, по преимуществу, занята была мысль египтянина» (Еп. Хрисанф).

Грекъ былъ болѣе жизнерадостнымъ, онъ былъ все-

цѣло привязанъ къ землѣ, всѣ мысли его были преданы ей, и сердце принадлежало щедрой богинѣ Деметрѣ, богинѣ плодородія, цвѣтами и колосьями покрывающей поля, низводящей на землю благодатную весну. Но не вѣчно продолжается весна, не вѣчно продолжается и молодость чело-вѣка — расцвѣтъ его духовныхъ и физическихъ силъ. Нельзя чело-вѣку избѣжать столкновенія съ болѣзнью, старостью и смертью, и вотъ... омрачается жизнерадостность грека, и нотка грусти и недоумѣнія слышится въ тѣхъ его пѣсняхъ, которыя касаются вопроса о смерти. Что тамъ, въ загробномъ мірѣ, за таинственной гранью, которая отдѣляетъ живыхъ ютъ мертвыхъ? Неужели совсѣмъ уничтожается чело-вѣкъ, обращается въ ничто? — Не можетъ быть этого! Жизнь продолжается и за гробомъ, но какая жизнь? И богатое воображеніе грека, наполненное образами, звуками и красками видимаго міра, не могло представить себѣ ничего, кромѣ скитанія блѣдныхъ скорбныхъ тѣней, лишенныхъ даже разума, въ безконечныхъ владѣніяхъ бога Гадеса. Удивительно ли, что грустно и страшно было умирать съ такимъ представленіемъ о загробной жизни.

Въ исключительномъ положеніи среди народовъ древняго міра находился народъ Израильскій, юдинъ имѣвшій Божественное Откровеніе; но и у евреевъ не видно радостной готовности, тѣмъ болѣе, «желанія» разрѣшиться отъ брэннаго тѣла и перейти къ Богу. Лучшіе изъ израильтянъ съ покорностью неизбѣжному Божію опредѣленію: «Земля еси и въ землю отыдеша», ютоходили къ праотцамъ «въ путь земли», чтобы и въ другомъ мірѣ ожидать грядущаго Искупителя, какъ ждали Его здѣсь, на землѣ. Не оттого ли долготѣіе и земное благополучіе были такой частой наградой ветхозавѣтныхъ праведниковъ? «Чело-вѣкъ, яко трава, дни его, яко цвѣтъ селный, тако оцвѣтетъ» — вотъ, что съ несомнѣнностью они знали, какъ знаетъ и всякій.

Противна чело-вѣческой душѣ мысль ю томъ, что здѣсь, въ этомъ мірѣ, юнчается всякое существованіе чело-вѣка; не можетъ она себя заставить вовсе не думать о смерти. Можно, конечно, убаюкивать себя словами: «Душа, много добра лежитъ у тебя на многіе годы: ѣшь, пей, веселись!» Но это не есть ли та тоска, доходящая до отчаянія, которая является юбычной спутницей такого прожиганія жизни и лучшимъ доказательствомъ того, что нельзя безнаказанно гнать отъ себя мысль о «вѣчныхъ» вопросахъ, а между ними — и вопроса о вѣчной жизни?

До какихъ ужасающихъ размѣровъ доходило число самоубійствъ въ послѣдніе годы существованія Римской Имперіи, въ годы ея внутренняго паденія, когда жизнь большинства была непрерывной юргіей и въ то же время пугала ихъ своей пустотой и бессмысленностью. Среди веселаго праздника, окруженный десятками рабовъ, красотою во всѣхъ формахъ, въ какія она только можетъ воплощаться на землѣ, опьяненный дорогими винами, услаждаемый игрою на арфахъ и пѣніемъ вакхическихъ пѣсень, человѣкъ не выдерживалъ пустоты, ужаса жизни и убивалъ себя!...

Но вотъ раздалась въ мірѣ чудесная радостная вѣсть: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!» И люди, сидящіе во тьмѣ и сѣни смертной, увидѣли свѣтъ! Разрѣшились мучительныя сомнѣнія, исчезъ невыразимый страхъ, разсѣялся призракъ смерти. Только теперь понятно стало все величіе смерти, и человѣкъ получилъ силу взглянуть ей въ глаза. Ясно и опредѣленно сказано было чело-вѣку, что онъ созданъ для вѣчности, а настоящая жизнь есть только приготовленіе къ загробной жизни. Какова будетъ эта жизнь? Въ условіяхъ настоящаго своего существованія мы не можемъ представить себѣ жизни въ иномъ мірѣ; намъ открыто только, что она есть и «не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце чело-вѣку, что приготовилъ Господь любящимъ Его».

Только теперь стали понятны во всей своей глубинѣ слова псалмопѣвца: «Блажени, яже избралъ и пріялъ еси, Господи! Память ихъ въ родъ и родъ! Души ихъ во благихъ водворятся». Весь чинъ погребенія православнаго христіанина проникнутъ радостнымъ упованіемъ, что умершій отошелъ ко Господу, чтобы вкусить покой праведныхъ, и эта надежда смягчаетъ нашу естественную скорбь и даетъ силу остающимся въ живыхъ пережить моментъ послѣдняго цѣлованія.

Когда мать теряетъ свое дитя, когда вообще мы теряемъ чело-вѣка, съ которымъ, можетъ быть, была связана вся наша жизнь, мы не можемъ не плакать, не скорбѣть: эта скорбь и естественна, и законна. Не возмущился ли духомъ Самъ Господь, когда увидѣлъ Марѳу и Марію, рыдающихъ надъ Лазаремъ? Но христіанство смягчаетъ, такъ сказать, одухотворяетъ нашу скорбь, соединяя надгробныя рыданія съ торжественною пѣснею: «А л л л у й я», то есть «хвалите Бога».

«Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, потому что

у Него всѣ живы» (Лк. 20, 38) — говорить Спаситель, и съ отшествіемъ отъ насъ нашихъ братьевъ, у насъ не должна и не можетъ порываться съ ними связь. Напротивъ — земная оболочка, найги недостатки, грѣхи и немощи, быть можетъ мѣшали намъ видѣть нашего брата въ истинномъ свѣтѣ, пока онъ жилъ съ нами, но въ моментъ его смерти наши глаза раскрылись, и то, что отдѣляло его отъ насъ, показалось намъ ничтожной мелочностью, совѣсть заговорила въ насъ, упрекая насъ, что мы мало любили, мало прощали, и теперь мы готовы, Богъ знаетъ, что дать, чтобы только вступить съ нимъ въ полное единеніе. Вотъ Св. Церковь и зоветъ насъ къ этому единенію, зоветъ каждый день утромъ и вечеромъ, каждую полночь и за каждой литургіей молиться за усопшихъ объ упокоеніи въ Невечернемъ Царствѣ Христовомъ всѣхъ отошедшихъ отецъ и братій нашихъ, отошедшихъ отъ насъ въ надеждѣ воскресенія и вѣчной жизни.

Невольно вспоминается, какой христіанскій совѣтъ, вытекающій изъ любвеобильнаго и вѣрующаго сердца, даетъ старецъ Зосима («Братья Карамазовы») въ одномъ изъ своихъ поученій: «Господи, помилуй всѣхъ днесъ предъ Тобою представшихъ!». Не забывай такъ молиться, потому что въ каждый часъ и каждое мгновеніе тысяча людей покидаютъ жизнь свою на землѣ, и души ихъ становятся передъ Господомъ, — и сколь многіе изъ нихъ разстались съ землею отъединенно, никому невѣдомо, въ грусти и тоскѣ, что никто не пожалѣетъ о нихъ и даже не знаетъ о нихъ вовсе: живы ли они или нѣтъ. И вотъ, можетъ быть, съ другого конца вознесется къ Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не зналъ его вовсе, а онъ тебя». Душа умершаго, стоящая въ страхѣ, умирится, по словамъ старца, и почувствуетъ въ тотъ мигъ, что есть и за него мольщикъ, что осталось на землѣ существо, его любящее.

Молитва — это единственный способъ тѣснѣйшаго общенія насъ съ умершими. И этой молитвы ждутъ они отъ насъ.

«Возлюбленные! — пишетъ одинъ священникъ, — если бы можно было намъ увидѣться съ умершими и спросить: чего они отъ насъ больше желаютъ, въ чемъ нуждаются, то первая бы ихъ была къ намъ просьба о поминовеніи ихъ, чтобы мы своими молитвами, благодѣяніями и принесеніемъ безкровной жертвы облегчили ихъ загробную участь».

Тѣ — кто, дѣйствительно, любятъ — не могутъ не

юткликнуться на этотъ призывъ почившихъ молиться о нихъ, и въ Церкви Христовой происходитъ непрерывно таинственное и реальное общеніе двухъ міровъ.

Въ то время, какъ «естественный» человѣкъ только ломаетъ руки и бьется въ отчаяніи на дорогой могилѣ, — христіанину дано послать усопшимъ братьямъ то радостное привѣтствіе, которое только что раздавалось по всему православному міру: «Х р и с т о с ъ в о с к р е с е!».

И чувствуетъ онъ, что не въ пустоту бросаетъ онъ эти слова; чувствуетъ, что доходятъ они до тѣхъ селеній, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печалей, ни воздыханій, а только жизнь безконечная и оттуда доносятся до его чудесно умиротворенной души ихъ радостный и тихій отвѣтъ: «Воистину воскресъ Христосъ!».

Протоіерей Сергій Четвериковъ († 1947 г.).

НАША ЖИЗНЬ НЕ ОГРАНИЧИВАЕТСЯ ЗЕМНЫМЪ СУЩЕСТВОВАНІЕМЪ.

(Изъ рукописи «Правда Христіанства»).

«Въ Домѣ Отца Моего обителей много» (Іоан. 14, 2). Евангеліе раскрываетъ намъ одну очень важную сторону жизни, которая въ настоящее время особенно игнорируется культурнымъ человѣчествомъ, но которая не можетъ быть вычеркнута изъ цѣльнаго христіанскаго міровоззрѣнія. Евангеліе учитъ насъ опредѣленно, что наша человѣческая жизнь не ограничивается предѣлами земного существованія, которое является лишь началомъ и подготовительною ступенью къ нашему подлинному вѣчному бытію. Евангеліе утверждаетъ и убѣждаетъ насъ, что за эту временную земную жизнью начинается жизнь въ иномъ мірѣ, конца не имѣющаго. Мы не можемъ пройти мимо этого утвержденія Евангелія, не задумываясь надъ нимъ. Между тѣмъ почти всѣ мы живемъ, совершенно о немъ не думая, съ нимъ не считаемся, не сообразуемъ съ нимъ свою жизнь, живемъ почти такъ, какъ живутъ мухи и воробы. Нельзя не удивляться этой поразительной безпечности человѣческой, о которой знаменитый оптинскій старецъ Амвросій когда-то ютозвался такъ: «Если на одномъ концѣ деревни начнутъ вѣшать,

то на другомъ будутъ еще плясать, — говоря: до насъ не скоро дойдетъ». Кто-то какъ будто завязалъ намъ глаза на наше собственное, для всѣхъ очевидно неизбѣжное, будущее — смерть, переходъ изъ настоящей жизни въ какое-то новое бытіе или небытіе. Все вниманіе, всѣ заботы современныхъ людей, и особенно людей культурныхъ, образованныхъ, всецѣло направлены на ихъ земное благополучіе, которое ими устраивается съ возможною заботливостью, но безъ всякаго соотношенія съ ихъ будущимъ посмертнымъ существованіемъ. Для того, чтобы устроить свое земное благополучіе, личное, или семейное, или національное люди не останавливаются ни передъ какими трудностями, ни передъ какими жертвами. Они вступаютъ въ кровопролитнѣйшія войны, въ которыхъ погибаютъ сотнями тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ, такимъ образомъ, ни одинъ не увидитъ и не воспользуется тѣмъ благополучіемъ, ради котораго предпринимается война... Что же заставляетъ ихъ такъ поступать, жертвовать своею жизнью, переносить тяжкія страданія ради южидаемого какого-то общаго блага? Не есть ли это въ нихъ голосъ тайнаго инстинкта, что человѣческое существованіе не исчерпывается, въ концѣ концовъ, однимъ только земнымъ существованіемъ, и что поэтому намъ не слѣдуетъ особенно и дорожить имъ въ ожиданіи нѣкоторой иной жизни? Такимъ образомъ, самая наша жертвенность своею жизнью ради временныхъ земныхъ цѣлей, ради нашего общаго благополучія не является ли скрытымъ доказательствомъ нашей вѣры въ наше безсмертіе? Евангеліе же со всею опредѣленностью подтверждаетъ намъ истину этой инстинктивной нашей вѣры въ наше безсмертіе. Господь Іисусъ Христосъ постоянно объ этомъ говоритъ. Заканчивая свою бесѣду о Страшномъ Судѣ, Онъ говоритъ объ участи грѣшниковъ и праведниковъ: «И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный» (Мѡ. 25, 46). Какъ бы мы ни толковали слово «мука» и слово «животъ», но «мука» всегда будетъ «мукой», а «жизнь» всегда будетъ «жизнью». Да и слово «вѣчный», какъ ни объяснять его, всегда останется съ характеромъ постоянства и неизмѣнности. Эти и подобныя имъ слова, постоянно встрѣчающіяся на страницахъ Евангелія, проходятъ мимо ушей нашихъ, не оставляя въ насъ никакого впечатлѣнія, какъ будто мы ихъ не слышимъ. Люди живутъ такъ, какъ будто за предѣлами земного существованія никакой жизни уже не будетъ, и потому къ этой будущей жизни не готовятся, не думаютъ о ней,

не волнуются ею, и никогда о ней между собой не говорить. Все вниманіе, какъ мы сказали, всецѣло сосредоточено на интересахъ земной, временной жизни, хотя люди и не могутъ не сознавать, что при отсутствіи вѣчной жизни земная жизнь не только отдѣльнаго человѣка, но и всего чело-вѣчества превращается въ пустой сонъ, въ пустую и праздную мечту, въ мыльный пузырь. И, однако, этой мечтѣ люди ютдають все свое вниманіе, всѣ свои силы, думы и за-боты, всѣ свои радости и печали, всѣ серьезныя и глубокія движенія своего сердца и своей мысли, чего она, эта меч-та, въ ея юторванности отъ вѣчности совсѣмъ не заслужи-ваетъ. Имѣемъ ли мы, однако, какое-нибудь основаніе ут-верждать, что будущей жизни, о которой опредѣленно го-ворить Евангеліе, на самомъ дѣлѣ не будетъ? Такого юсно-ванія у насъ нѣтъ. И мы не потому не думаемъ о будущей жизни, что имѣемъ основаніе не вѣрить въ нее, а единствен-но потому, что къ вопросу о безсмертіи мы сдѣлались без-надежно равнодушными подъ вліяніемъ современнаго мате-ріалистическаго духа времени. Этотъ вопросъ не только насъ не волнуетъ и не тревожитъ, онъ просто для насъ не существуетъ, мы имъ не интересуемся. Таковъ духъ совре-менной культуры. Если мы и задумываемся о чемъ-либо посмертномъ, то не о своемъ личномъ бытіи или о бытіи близкихъ намъ людей, а о томъ, какую память оставимъ мы у людей послѣ нашей смерти — у родныхъ, у друзей, въ своемъ потомствѣ, въ своемъ народѣ, въ исторіи, въ че-ловѣчествѣ, словомъ, у всѣхъ и всюду, но только не у Бо-га. Наше равнодушіе къ вопросу о будущей жизни есть результатъ нашего равнодушія къ Евангелію, ко Христу. Если бы мы вѣрили Христу, то вѣрили бы и въ будущую жизнь, которую Онъ юпредѣленно намъ юбѣщаетъ. Такое наше отношеніе къ вопросу о безсмертіи свидѣлствуетъ о томъ, что христіанство потеряло свою дѣйственность въ современномъ сознаніи и въ современной жизни, потеряло руководящее въ ней значеніе и вліяніе. Въ насъ атрофиро-валось чувство, что мы живемъ предъ очами Божиими, предъ очами Христа и должны будемъ дать отчетъ въ нашей зем-ной жизни. У насъ нѣтъ того чувства страха Божія, которое было у нашихъ блаженныхъ предковъ и у древнихъ христі-анъ. И общественная, и государственная жизнь чело-вѣчества строятся теперь безъ всякой мысли и заботы юбъ от-вѣтственности предъ Богомъ и о согласованіи жизни съ правдою Божіею, съ Его закономъ. Современные теоріи по-

литическаго и соціальнаго строительства жизни не имѣютъ никакой связи съ религіозными вѣрованіями, съ ученіемъ Христа, съ Евангеліемъ, съ Церковью. Если бы мы, въ заботахъ объ устройствѣ своей жизни общественной и государственной, хотя сколько нибудь считались съ Евангеліемъ, мы не могли бы не принимать во вниманіе, что и въ рѣчахъ и притчахъ Спасителя и въ Апостольскихъ посланіяхъ, всюду и постоянно подчеркивается та истина, что наша жизнь не ограничивается земнымъ существованіемъ, что земная жизнь есть преддверіе, приготовительная школа къ вѣчной жизни, и что мы должны пользоваться земною жизнью для подготовки къ вѣчной жизни, которая не за горами для каждаго изъ насъ. Поэтому и сказано въ Евангеліи: «Будьте готовы: ибо въ который часъ не думаете, придетъ Сынъ Человѣческій» (Мѡ. 24, 44). И въ другомъ мѣстѣ: «Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, въ который придетъ Сынъ Человѣческій» (Мѡ. 25, 13). «Придетъ» не только въ смыслѣ своего второго славнаго пришествія для всеобщаго суда, но и въ смыслѣ личнаго перехода каждаго изъ насъ въ вѣчную жизнь.

У русскаго православнаго вѣрующаго народа всегда была живая память о смертномъ часѣ. И это было подлинное и правильное христіанское устроеніе духа. Эта память придаетъ нашей земной жизни юсобую трогательную красоту серьезности, значительности, отвѣтственности, торжественности и благородства, безконечно возвышая ее надъ жизнью животныхъ. Эта память о смертномъ часѣ одновременно и устрашаетъ и утѣшаетъ. Вспомнимъ, напримѣръ, въ литературѣ Некрасовскаго «Власа». Почувствовавъ Бога и выздоровѣвъ, «роздалъ Власъ свое имѣніе, самъ остался босъ и голъ, и собирать на постройку храма Божія пошелъ»... У меня есть полная увѣренность, что и Толстой въ моментъ смерти пережилъ Власовское состояніе, но его ученики, никого къ нему не допускавшіе, скрыли это. Иначе, почему имъ было не описать подробно послѣднія минуты своего учителя? Безъ вѣры въ будущую жизнь, въ отвѣтственность предъ Богомъ, — наша жизнь ничѣмъ не отличалась бы отъ жизни воробьевъ и зайцевъ; жизнь превратилась бы, по выраженію другого русскаго поэта, «въ пустую и глупую шутку».

Совсѣмъ другое говорить намъ о смерти христіанство. Оно со всею опредѣленностью утверждаетъ, что жизнь не исчерпывается предѣлами земнаго существованія. Кромѣ

насъ, живущихъ въ данный моментъ на землѣ, міръ переполненъ невидимыми духовными существами, прежде всего, ангелами, о которыхъ сказано: «Егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ велиемъ вси Ангели Мои». По откровенію св. ап. Іоанна міръ заключаетъ въ себѣ «тмы темъ и тысячи тысячъ» разумныхъ и свѣтлыхъ духовъ, славящихъ Господа. Но этимъ добрымъ и свѣтлымъ существамъ противостоятъ и ведутъ съ ними неустанную борьбу великое множество темныхъ силъ адскихъ, также имѣющихъ гдѣ-то свое мѣстопробываніе въ мірѣ Божіемъ, и также одаренныхъ великими дарованіями отъ Бога, но свободно противопоставившихъ себя Богу. Вспомнимъ и о томъ, какое множество человѣческихъ душъ, созданныхъ по образу и подобію Божію, одаренныхъ безсмертіемъ, ютошли съ первыхъ дней существованія міра въ иныя, невѣдомыя намъ, свѣтлыя и темныя области міровой жизни! Мы не можемъ указать мѣста ихъ пребыванія, но гдѣ-то же онѣ живутъ! Мы не можемъ считать себя оторванными отъ этого огромнаго міра живыхъ существъ разумныхъ и чувствующихъ, добрыхъ и злыхъ. Рано или поздно каждый изъ насъ войдетъ въ этотъ міръ, на радость себѣ или на муку. Можемъ ли мы не задумываться надъ этимъ, когда и Богъ, и Евангеліе, и Церковь постоянно намъ объ этомъ напоминаютъ и требуютъ отъ насъ, чтобы мы всегда были готовы къ переходу въ эту невѣдомую, таинственную, но несомнѣнно существующую вѣчную жизнь? Можно ли всѣ эти мысли о будущей жизни, объ иномъ мірѣ населенномъ живыми духовными существами, считать и называть «глупымъ средневѣковымъ суевѣріемъ»? Но вѣдь не отъ «среднихъ вѣковъ» идетъ къ намъ вѣра въ загробную жизнь, радостную или мучительную; она идетъ къ намъ отъ Евангельскихъ временъ, отъ самого Христа, отъ Апостоловъ, и никто никогда не могъ опровергнуть этого «суевѣрія». Если мы не можемъ отрицать существованія во вселенной безчисленнаго множества разумныхъ существъ добрыхъ и злыхъ, радующихся и страждущихъ, къ которымъ въ свое время присоединимся и мы, присоединимся неизбежно, ибо никто изъ насъ не можетъ избѣжать смерти, то мы не можемъ отрицать и возможности полнаго общенія съ этими существами и это намъ подтверждаетъ и Евангеліе, и Церковь, и собственный опытъ. Они сообщаютъ намъ многочисленные примѣры дѣйствительнаго общенія между живыми и умершими, примѣры взаимной памяти, взаимной молитвы, заботливости и помощи.

Существуетъ интересная книга протоіерея Дьяченко «Изъ міра таинственнаго», въ которой собраны многочисленныя примѣры такого общенія. Много такихъ же примѣровъ имѣются и въ житіяхъ святыхъ. Православная Церковь всегда молитвенно поминаетъ умершихъ своихъ членовъ и проситъ молиться за насъ святыхъ угодниковъ Божіихъ и особенно Божию Матерь, «усердную Заступницу рода христіанскаго». Міръ невидимый не изолированъ отъ міра видимаго. Между тѣмъ и другимъ существуетъ общеніе. Если такъ, то какъ же можно не думать и не заботиться о нашей посмертной участи? Что насъ ожидаетъ? Какія встрѣчи? Какія испытанія? Какая жизнь? Къ этому надо готовиться! Это не праздный и не пустой вопросъ. Это вопросъ вѣчной судьбы нашей.

Тайна жизни не исчерпывается существованіемъ и аш е г о загробнаго бытія. Самый окружающій насъ міръ является для насъ неразрѣшенной загадкой. Мы не можемъ допустить, чтобы все это безпредѣльное пространство, всѣ эти мириады звѣздъ и планетъ существовали бы «такъ себѣ», неизвѣстно для чего; для того лишь, чтобы мы ими любовались въ ясныя звѣздныя и лунныя ночи? Несомнѣнно, у нихъ имѣется свое назначеніе, намъ невѣдомое. Міръ — великая тайна Божія, насъ окружающая, но намъ не открытая можетъ быть потому, что это насъ не касается. Касается не насъ, а другихъ существъ. Намъ дано знать только то, что намъ нужно знать для нашей жизни, для нашего спасенія. Не будемъ, поэтому, строить никакихъ произвольныхъ догадокъ о смыслѣ и назначеніи мірозданія. Примиримся съ тѣмъ, что это тайна, вѣдомая единому Богу. Смотря на окружающую насъ славу и красоту, научимся видѣть и знать Творца. И будемъ помнить, что наша жизнь не исчерпывается для насъ однимъ только земнымъ существованіемъ и будемъ согласовать это земное наше существованіе съ ожидающею насъ вѣчностью.

Хорошо человѣку помнить смерть, чтобъ привыкнуть знанію, что онъ смертный; смертный — не вѣченъ; невѣчный же и по неволѣ оставитъ вѣкъ сей. Черезъ непрестанную память о смерти человѣкъ начинаетъ и произвольно дѣлать добро.

Преп. Варсонофій.

МЫСЛИ ОБЪ УСОПШИХЪ.

(Изъ писемъ епископа Теофана затворника).

Потеря близкихъ людей есть одно изъ величайшихъ бѣдствій, постигающихъ человѣка въ этой земной жизни. За утѣшеніями въ подобнаго рода несчастіяхъ обращались очень многіе и къ преосвященному епископу Теофану, прося его наставленій и молитвъ. Епископъ Теофанъ обыкновенно удовлетворялъ просителей и въ своихъ письмахъ давалъ отвѣты на вопросы, обращенные къ нему. Письма эти по своей простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ по глубокому пониманію духовной жизни имѣютъ руководственное значеніе для всѣхъ.

Епископъ Теофанъ считалъ, что при гробѣ близкихъ и дорогихъ намъ людей вполне естественно поскорбѣть и поплакать, но эта скорбь должна быть умѣренная и отнюдь не должна переходить въ отчаяніе. «Нельзя не поскорбѣть, писалъ святитель одному лицу по случаю смерти родителей: такова ужъ душа наша; но въ мѣру, — и при томъ небольшую. Что главное у человѣка, тѣло или душа? — Душа главное. Когда душа жива и человѣкъ живъ. А когда умираетъ, что умираетъ, душа или тѣло? Тѣло; а душа остается жива. Стало умершіе живы; — живы и ваши родители. Они только отлучились отъ васъ и стали жить въ другомъ мѣстѣ. Туда же и вы въ свое время перейдете, — и увидите. Разлука у васъ только временная. Потому и говорю, что не поскорбѣть нельзя, только немножко, какъ скорбятъ, когда выѣзжаютъ изъ дома въ школу. Такъ случилось у насъ, что умершихъ мы воображаемъ такими, какими они были, какъ лежали на столѣ въ гробу... и затѣмъ, какъ они въ могилѣ, и даже причитываемъ: какъ тебѣ тамъ темно, какъ тебѣ тамъ тѣсно, какъ тебѣ тамъ сыро... А между тѣмъ тутъ совсѣмъ нѣтъ тѣхъ, кого оплакиваемъ. Они въ другомъ мѣстѣ, и даже около насъ, только въ другомъ совсѣмъ видѣ».

«Плачьте, плачьте, писалъ въ другомъ мѣстѣ святитель одной матери. Въ этомъ ничего нѣтъ неестественнаго и укорнаго. Диво было бы, еслибъ мать не поплакала о смерти дочери. — Но при этомъ надо знать мѣру: не убиваться и не забывать тѣхъ понятій о смерти и умершихъ, которыя даются намъ христіанамъ. Умерла! — Не она умерла; умерло тѣло; а она жива, и также живетъ, какъ и мы, только въ другомъ образѣ бытія. Она и къ вамъ приходитъ и смотритъ на

вась. И, надо полагать, дивится, что вы плачете и убиваетесь, ибо ей лучше. Тотъ образъ бытія выше нашего. Еслибъ она явилась, и вы попросили ее войти опять въ тѣло; она ни за что не согласилась бы. Зачѣмъ же вамъ вступать съ нею въ такое разногласіе? — Желать того, что ей противно? — Какая тутъ будетъ любовь?

«Нельзя не пожалѣть, что не пришлось вамъ въ послѣдній разъ взглянуть въ очи ея, — послѣднее услышать слово отъ нея, послѣднее дать ей объятіе материнской любви. Ну — вотъ и поплачьте. Только все немножко. Тѣлесныя очи ея — закрылись, а душевными она смотритъ: смотрите и вы на нее душою своею. Не воображайте ее въ могилѣ. Тамъ ея нѣтъ; тамъ тѣло ея, а она внѣ и теперь можетъ быть при васъ стоять. Языкъ ея замолкъ, но она не лишена возможности говорить вамъ въ сердце. Внимайте и услышите: мамочка! не тужи и не убивайся. Я съ тобою, и мнѣ очень хорошо! Отвѣчайте же и вы ей: ну, слава Богу! что тебѣ лучше. Объятія застыли, не прострутся болѣе. Но она собою, какъ душа, можетъ объять душу вашу, и такъ же тепло, какъ теплы обычные объятія. Отвѣчайте же и вы спокойною, немятущеюся, теплою памятію о ней».

На вопросъ: что дѣлается съ усопшими, святитель писалъ: «Тѣло возвращается въ землю, а душа получаетъ отъ Господа особое нѣкое мѣсто по своему устроенію, гдѣ и пребываетъ до скончанія вѣка, въ чаяніи радостномъ или въ нечаянномъ ужасательномъ. То — закрытая для насъ страна. Что тамъ, съ точностію не опредѣлено въ подробностяхъ... Одно точно опредѣлено... что тамошнее состояніе вполне соотвѣтствуетъ тому, какъ настроить себя человѣкъ здѣсь на землѣ. Какъ настроить — широко разъяснено въ Евангеліяхъ и посланіяхъ. Это и есть теперь для насъ главное. Какъ цѣль не на землѣ, а въ другомъ образѣ бытія, то разумно всю заботу обращать на то, чтобы добръ приготовиться туда. — Не подготовимся... все пропало». — «Не мучьте себя пытаніемъ, что тамъ и гдѣ будемъ. А когда въ умѣ народятся такіе вопросы, говорите себѣ: хорошимъ тамъ будетъ хорошо, а худымъ худо; соотвѣтственно сему и мѣсто тамъ будетъ для однихъ свѣтло, для другихъ — не свѣтло».

«Почему мы поминаемъ усопшихъ? — Потому, отвѣчалъ святитель, что такъ заповѣдано намъ дѣлать. А что заповѣдано, видно изъ того, что въ Церкви Божіей не было времени, когда бы не творилось это поминовеніе. Значить это идетъ отъ Апостоловъ и Самого Господа». На необходи-

мость поминовенія усопшихъ указываетъ и то обстоятельство, что умершіе, какъ сказано было выше, продолжаютъ общеніе съ нами: «отшедшіе живы, и общеніе у насъ съ ними не пресѣкается. Какъ о живыхъ молимся мы, не различая, идетъ ли кто путемъ праведнымъ, или другимъ: такъ молимся и объ отшедшихъ, не доискиваясь, причислены ли они къ праведнымъ или къ грѣшнымъ. Это долгъ любви братской. Пока послѣднимъ судомъ не раздѣлены вѣрующіе, всѣ они живые и умершіе единую Церковь составляютъ. И всѣ мы взаимно другъ къ другу должны относиться, какъ члены одного тѣла, въ духѣ dobroхотства и любительнаго общенія, и живые и умершіе, не разпораживаясь пополамъ умираемъ». — «Участь отшедшихъ не считается рѣшеною до всеобщаго суда. Дотоѣ мы никого не можемъ считать осужденнымъ окончательно, и на этомъ основаніи молимся, утверждаясь надеждою на безмѣрное милосердіе Божіе».

Особенно горестна бываетъ для родителей потеря дѣтей въ раннемъ возрастѣ. Многіе бываютъ даже склонны думать, что это посылается въ наказаніе родителямъ за ихъ грѣхи. Въ письмахъ еп. Теофана мы находимъ на это такой отвѣтъ: «Это не всегда бываетъ въ наказаніе. Бываетъ это во благо дѣтей и самихъ родителей. Мы слѣпы и не видимъ сего... а не видѣвши ропщемъ... и хульно о Богѣ думаемъ, будто Онъ не правъ. А Онъ все устрояетъ наилучшимъ образомъ». Въ другомъ мѣстѣ, подробно развивая ту же мысль, еп. Теофанъ пишетъ въ утѣшеніе одной скорбящей матери слѣдующее: «Дочь умерла, хорошая, добронравная. Надо говорить: слава Тебѣ Господи, что убралъ ее поскорѣе, не давъ ей впутаться въ соблазны и обольстительныя утѣхи міра. А вы скорбѣть — зачѣмъ Богъ избавилъ ее отъ этихъ увлеченій и взялъ ее въ царство Свое святое — чистою и непорочною. — Выходить, лучше бы, еслибъ юна выросла, пустилась во вся тяжкая, что нынѣ очень недивно, особенно для такихъ симпатичныхъ, какою, какъ говорите, была почившая. Вотъ мудреная мать — жалѣющая, что дочь спасена, а не погублена».

Наконецъ въ заключеніе приведемъ еще два отрывка изъ писемъ еп. Теофана.

П и с ь м о к ъ у м и р а ю щ е й с е с т р ѣ: «Прощай сестра! Господь да благословитъ исходъ твой и путь твой по твоему исходу. Вѣдь ты не умрешь. Тѣло умереть, а ты перейдешь въ живой міръ, живая, себя помнящая и весь

окружающій міръ узнающая. Тамъ встрѣтятъ тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись имъ, и наши имъ передай привѣты и попроси попещись о насъ. Тебя окружаютъ твои дѣти со своими радостными привѣтами. Тамъ лучше тебѣ будтъ, чѣмъ здѣсь. Такъ не ужасайся, видя приближающуюся смерть: юна для тебя дверь въ лучшую жизнь. Ангелъ Хранитель твой приметъ душу твою и поведетъ ее путями, какими Богъ поведить. Грѣхи будутъ приходить — кайся во всѣхъ и будь крѣпкой вѣры, что Господь и Спаситель всѣ грѣхи кающихся грѣшниковъ изглаждаетъ. Изглажены и твои, когда покаялась. Эту вѣру поживѣе возставъ въ себѣ и пребудь съ нею неразлучно. Даруй же тебѣ, Господи, мирный исходъ! День — другой и мы съ тобою. Поэтому не тужи объ юстающихся. Прощай, Господь съ тобою!»

И з ъ п и с ь м а к ъ м у ж у у м и р а ю щ е й с е с т р ы : «...У отошедшихъ скоро начинается и подвигъ перехода черезъ мытарства. Тутъ нужна сестрѣ помощь. Думайте объ этомъ, и вы услышите вопль: помощи! Вотъ на что надлежитъ намъ устремить все вниманіе и всю любовь къ ней. Я думаю, самый дѣйствительный показатель любви вашей къ усопшей будетъ то, если вы съ минуты отхода души погрузитесь въ молитву о ней въ новомъ ея состояніи и новыхъ неожиданныхъ нуждахъ. Начавъ такъ, непрестанно молитесь Богу о помощи ей, особенно въ продолженіи шести недѣль, да и далѣе. Въ сказаніи Феодоры — мѣшокъ, изъ котораго ангелы брали, чтобы отдѣлываться отъ злыхъ духовъ, были молитвы ея старца. То же будутъ и ваши молитвы. Не забудьте такъ сдѣлать, — вотъ и любовь! Поско-рѣе и меня извѣстите... и я тоже начну, и дѣти пусть такъ дѣлають... А слишкомъ горевать и убиваться — мало имѣетъ смысла».

ПОМИНОВЕНІЕ УСОПШИХЪ.

Обычай помянуть усопшихъ встрѣчается уже въ Церкви ветхозавѣтной (Чис. 20, 29; Второз. 34, 8; I Цар. 31, 13; 2 Макк. 12, 43). Въ Церкви христіанской этотъ обычай извѣстенъ съ самыхъ древнихъ временъ. Въ древнихъ литургіяхъ, дошедшихъ до насъ, встрѣчаются молитвы и за усопшихъ. Съ особенною ясностію ю помяновеніи усопшихъ упоминають Постановленія Апостольскія. Здѣсь находимъ, какъ молитвы за усопшихъ при совершеніи евхаристіи, такъ и

указанія на дни, въ которые особенно прилично помянуть усопшихъ, именно: третій, девятый, сороковой и годовой,— въ томъ же значеніи, какое усвоится имъ Церковію въ настоящее время. Отцы и учителя Церкви послѣдующаго времени, изъясняя смыслъ поминовенія усопшихъ и показывая истинный образъ его въ молитвахъ, совершеніи безкровной жертвы и милостыни, часто свидѣлствуютъ, что поминовеніе усопшихъ есть апостольское установленіе, что оно соблюдается во всей Церкви и что литургія за умершихъ, или принесеніе ю спасеніи ихъ безкровной жертвы, есть самое сильное и дѣйствительное средство къ испрошенію усопшимъ милости Божіей.

Св. Церковь возноситъ непрестанныя молитвы объ отшедшихъ отцахъ и братіяхъ нашихъ при всякомъ Богослуженіи и особенно на литургіи. Но кромѣ того св. Церковь творитъ въ опредѣленные времена особое поминовеніе всѣхъ отъ вѣка преставшихся отцевъ и братій по вѣрѣ, сподобившихся христіанской кончины, равно и тѣхъ, которые, бывъ застигнуты внезапною смертію, не были напутствованы въ загробную жизнь молитвами Церкви. Совершаемая при этомъ панихиды называются **в с е л е н с к и м и**.

Кромѣ общаго поминовенія совершается **ч а с т н о е** **п о м и н о в а н і е**—каждаго усопшаго въ ѹтѣльности. Для поминовенія новопреставленныхъ Церковь назначаетъ первые сорокъ дней со дня смерти, находя въ этомъ числѣ, по указанію св. Писанія, достаточный срокъ для очищенія отъ грѣховъ и умиловленія Бога (Быт. 7, 12; Числ. 14, 31-34; ср. Мѡ. 4, 2). Кромѣ того изъ этихъ сорока дней юособенно посвящаются молитвѣ за усопшихъ дни — третій, въ воспоминаніе воскресшаго въ этотъ день Спасителя, девятый — по благочестивому желанію Церкви, чтобы духъ усопшаго былъ причисленъ къ девяти чинамъ ангельскимъ, и сороковой — по ветхозавѣтному примѣру оплакиванія Моисея израильтянами въ продолженіи сорока дней и по сближенію этого дня съ днемъ вознесенія Господа. Наконецъ поминовенію усопшаго посвящается годовой день смерти, день рожденія и именинъ, въ той мысли, что умершій живъ и безсмертенъ по духу и нѣкогда совершенно обновится, когда Господь воздвигнетъ самое тѣло его.

Св. Макарій Александрійскій нѣкогда спрашивалъ сопровождавшихъ его по пустыни ангеловъ: «когда отцами предано совершать въ церкви приношеніе Богу за усопшаго въ третій, девятый и čtyрѣдесятый день, то какая изъ того

происходить польза душъ преставшагося?» Ангелъ отвѣтствовалъ: «Богъ не попустилъ ничему быть въ церкви Своей неблагопотребному и неполезному; но устроилъ въ церкви Своей небесныя и земныя таинства и повелѣлъ ихъ совершать. Когда въ третій день бываетъ въ церкви приношеніе: то душа умершаго получаетъ отъ стрегущаго ее ангела облегченіе въ скорби, каковую чувствуетъ отъ разлученія съ тѣломъ; получаетъ потому, что славословіе и приношеніе въ церкви Божіей за нее совершено, отъ чего въ ней рождается благая надежда. Ибо въ продолженіе двухъ дней позволяется душѣ, вмѣстѣ съ находящимися при ней ангелами, ходить по землѣ, гдѣ хочетъ. Пюсему душа, любящая тѣло, скитается иногда около дома, въ которомъ разлучилась съ тѣломъ, иногда около гроба, въ которомъ положено тѣло; и такимъ образомъ проводить два дня, какъ птица ища гнѣзда себѣ. А добродѣтельная душа ходитъ по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ имѣла обыкновеніе творить правду. Въ третій же день Тотъ, Кто воскресъ изъ мертвыхъ, повелѣваетъ, въ подражаніе Его воскресенію, вознестись всякой христіанской душѣ на небеса, для поклоненія Богу всяческихъ. Итакъ, благое церковь имѣетъ обыкновеніе совершать въ третій день приношеніе и молитву за душу. Послѣ поклоненія Богу, повелѣвается отъ Него показать душѣ различныя и пріятныя обители святыхъ и красоту рая. Все это разсматриваетъ душа шесть дней, удивляясь и прославляя Содѣтеля всего, Бога. Созерцая же все это, она измѣняется и забываетъ скорбь, которую имѣла, будучи въ тѣлѣ. Но если она виновна въ грѣхахъ, то, при видѣ наслажденій святыхъ, начинаетъ скорбѣть и укорять себя, говоря: увы мнѣ! сколько я осуетилась въ томъ мірѣ! Увлечшись удовольствіемъ похотей, я провела большую часть жизни въ безпечности, и не послужила Богу, какъ должно, дабы можно было и мнѣ удостоиться этой благодати и славы. Увы мнѣ бѣдной!... По разсмотрѣніи же, въ продолженіе шести дней, всей радости праведныхъ, она опять возносится ангелами на поклоненіе Богу. Итакъ, хорошо дѣлаетъ церковь, совершая въ девятый день службы и приношенія за усопшаго. Послѣ вторичнаго поклоненія, Владыка всѣхъ повелѣваетъ отвести душу въ адъ, и показать ей находящіяся тамъ мѣста мученій, разныя отдѣленія ада, и разнообразныя нечестивыхъ мученія, въ которыхъ находясь, души грѣшниковъ непрестанно рыдаютъ и скрежешутъ зубами. По этимъ различнымъ мѣстамъ мукъ душа носится

тридцать дней, трепеща, чтобы и самой не быть осужденной на заключение въ нихъ. Въ сороковой день опять она возносится на поклоненіе Богу; и тогда уже Судія опредѣляетъ приличное ей по ея дѣламъ мѣсто заключенія. Итакъ, правильно поступаетъ Церковь, дѣлая поминовеніе въ сороковой день о усопшихъ и пріѣвшихъ крещеніе».

Покой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ!

МОЛИТВА ЗА УСОПШИХЪ.

Изъ жизни митрополита Филарета († 1867 г.).

Былъ въ Москвѣ, въ церкви у Дѣвичьяго поля (прилегающаго къ Новодѣвичьему монастырю), священникъ, страдавшій запоемъ... Терпѣли его прихожане, но, наконецъ, стало не втерпѣжъ и было доведено до свѣдѣнія митрополита Филарета Московскаго о порокѣ священника и о великомъ соблазнѣ, производимомъ въ приходѣ.

Митрополитъ Филаретъ былъ человѣкъ очень строгій и требовательный, а предъявленные обвиненія были такъ несомнѣнны, и вредъ, приносимый священникомъ, столь великъ, что митрополитъ рѣшилъ удалить его изъ прихода и запретить священнослуженіе.

Однако, кончая вечеромъ дѣла и отложивъ дѣло священника на самый конецъ, онъ въ послѣднюю минуту не рѣшился почему-то положить резолюцію на поданномъ прошеніи и оставилъ дѣло до утра.

Ночью ему снился страшный сонъ. Его окружали какіе-то неизвѣстные люди страшнаго вида, убогіе, со слѣдами страшныхъ ранъ, нѣкоторые сильно опухшіе, какъ утопленники, точно вставшіе изъ гробовъ, погибшіе «нечаянною смертію» покойники. Всѣ они настоятельно требовали отъ митрополита, чтобы онъ не трогалъ того священника. Послѣ этого сна митрополитъ проснулся и, не желая ему поддаваться, всталъ и направился въ кабинетъ къ письменному столу, чтобы написать рѣшенную съ вечера резолюцію. Но и тутъ какая то невѣдомая сила остановила его руку, уже державшую перо. Онъ ушелъ въ спальню, не написавъ рѣшенія.

И снова повторился тотъ-же сонъ. Странные люди съ

еще большею настойчивостью требовали отъ него, чтобы онъ оставилъ священника на мѣстѣ. «Онъ намъ нуженъ, — кричали они съ выраженіемъ страданія, — онъ за насъ молится».

Опять какая-то сила удержала руку владыки отъ резолюціи объ удаленіи этого священника.

Когда онъ вновь уснулъ, сонъ повторился третій разъ.

Митрополитъ Филаретъ невольно призадумался надъ этимъ троекратнымъ сномъ. Раннимъ утромъ онъ послалъ за священникомъ, требуя его немедленно къ себѣ. Священникъ явился.

Митрополитъ рассказалъ ему о жалобахъ на него прихожанъ и о своемъ рѣшеніи удалить его. Священникъ не защищался, не опровергалъ обвиненій, а только смиренно повторялъ:

— Виновать, владыко.

— Но за тебя есть ходатаи. За тебя усиленно просятъ, — говорилъ митрополитъ, пронзая священника невыносимо острымъ взглядомъ своихъ глазъ. — Въ тебѣ должна быть какая-нибудь тайная добродѣтель. Ты долженъ мнѣ сказать о ней. Откройся мнѣ, какъ на духу.

— Какія же у меня добродѣтели, владыко? — отвѣчалъ священникъ. Весь я во грѣхахъ, достоинъ кары. Одно есть у меня сердечное движеніе: молюсь за усопшихъ. Не только за прихожанъ моихъ. Но какъ услышу объ одинокомъ чловѣкѣ, который не оставилъ никого, кто-бы могъ о немъ молиться, или встрѣчу одинокія дроги съ покойникомъ изъ больницы, или прочту въ газетѣ о нечаянной смерти — стараюсь запомнить имя, записываю и поминаю.

— Благо творилъ. Ты за нихъ молился, а они о тебѣ предстательствуютъ и требуютъ, чтобы я оставилъ тебя въ той-же церкви молиться за нихъ. На этотъ разъ прощаю тебя. Продолжай исполнять милость къ усопшимъ; но подумай и о живыхъ, среди которыхъ ты производишь такой соблазнъ.

Митрополитъ долго наставлялъ священника и съ миромъ отпустилъ его.

Послѣ этого священникъ совершенно исправился: бросилъ пить и помня въ душѣ тѣ зачатки добраго пастырства, которые раньше побуждали его молиться за незнакомыхъ ему усопшихъ — сталъ прекраснымъ священникомъ.

(Изъ рассказовъ Е. Поселянина).

ПОУЧЕНИЕ О ВОСКРЕСЕНИИ МЕРТВЫХЪ.

Изъ слова св. Іоанна Златоуста «О воскресеніи мертвыхъ».

Не говори мнѣ, возлюбленный, какъ тѣло можетъ воз-
стать и сдѣлаться нетлѣннымъ? Когда дѣйствуетъ сила Бо-
жія, то «какъ» не имѣетъ мѣста. Но что я говорю о Богѣ.
Онъ Самъ устроилъ, что ты самъ совершаешь воскресеніе
то въ сѣменахъ, то въ искусствахъ, то въ металлическихъ
веществахъ. Такъ сѣмена, если напередъ не умрутъ, не
сгніютъ и не истлѣютъ, то не произрастаютъ колоса. Такимъ
образомъ какъ тамъ, смотря на гніющее и разлагающееся
зерно, ты не сомнѣваешься въ его возстаніи, но считаешь
это яснѣйшимъ для себя доказательствомъ, потому что если
бы оно не осталось гніющимъ и тлѣющимъ, то никогда не
возстало бы, — такъ разсуждай и о своемъ тѣлѣ: когда ви-
дишь тлѣніе, тогда особенно и любомудрствуй о воскре-
сеніи. Смерть, дѣйствительно, есть не что иное, какъ совер-
шенное уничтоженіе тлѣнія, потому что смерть разрушаетъ
не просто тѣло, но тлѣнность его. То же можно видѣть и на
металлическихъ вещахъ: берутъ золотоносную землю и,
бросивъ ее въ горнило, вырабатываютъ золото; также изъ
смѣси песку и другихъ веществъ дѣлаютъ чистое стекло.
Теперь скажи мнѣ, неужели благодать Божія не въ состояніи
будетъ сдѣлать того, что дѣлаетъ сила огня? Кто изъ имѣю-
щихъ сколько-нибудь ума можетъ сказать это? Помысли,
какъ Богъ сотворилъ тебя въ началѣ и не сомнѣвайся въ
воскресеніи. Не землю ли Онъ взялъ тогда и образовалъ?
Что же труднѣй: сотворить ли изъ земли плоть, жилы, кости,
кожу, нервы, артеріи, глаза, уши, руки, ноги и т. п. и каж-
дому изъ этихъ членовъ сообщить и особенную и общую
дѣятельность, или подвергшееся тлѣнію сдѣлать безсмерт-
нымъ? Какъ скажи мнѣ, Богъ сотворилъ безчисленныя силы
и сонмы ангеловъ, архангеловъ и высшіе чины ихъ? Я не въ
состояніи указать иного способа кромѣ того, что для Него
достаточно было только захотѣть. Неужели же, сотворившій
столько безтѣлесныхъ воинствъ не можетъ и опять обно-
вить истлѣвшее тѣло человѣческое и даровать ему высшее
достоинство? Кто такъ безразсуденъ, чтобы сомнѣваться въ
этомъ и отвергать безсмертіе?

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТФЕЯ*).

6.

Искушеніе отъ діавола.

Мф. 4, 1-11.

Къ западу отъ Іерихона, среди пустынныхъ горъ Іудейскихъ, сумрачно поднимается высокая, безплодная и обнаженная гора Сорокодневная или гора Искушенія. Ея крутые скаты покрыты множествомъ пещеръ, гдѣ въ цвѣтушія времена подвижничества христіанскаго пребывали въ постѣ и молитвѣ преподобные отцы. Въ этой дикой, безотрадной пустынѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ провелъ сорокъ дней въ постѣ и молитвѣ послѣ того, какъ благоволилъ принять крещеніе отъ Іоанна. ТОГДА, повѣствуетъ святой Евангелистъ Матфей, ІИСУСЪ ВОЗВЕДЕНЪ БЫЛЪ ДУХОМЪ, не Самъ Своею волею, а какъ Человѣкъ, повинувся Духу Божію, на Него видимо сошедшему на Іорданѣ, идетъ Онъ ВЪ эту ПУСТЫНЮ ДЛЯ ИСКУШЕНІЯ ОТЪ ДІАВОЛА. «Не Самъ пришелъ, говоритъ св. Златоустъ, а былъ духомъ отведенъ въ пустыню, поучая насъ не вдаваться самонадѣянно въ искушенія». Такъ нѣкогда и апостоль Павелъ, предавая себя полному водительство Духа Божія, говорилъ о себѣ: «и вотъ нынѣ я, по влеченію Духа, иду въ Іерусалимъ» (Дѣян. 20, 22). «И ты, крестившійся во имя Христово, предавай себя въ волю Божію и не смущайся, когда придетъ искушеніе: для того ты и вооруженъ, чтобы сражаться. Только самъ на искушенія не напрашивайся, а когда Богъ попуститъ, встрѣчай ихъ мужественно». Богъ попускаетъ тебѣ искушенія для того, чтобы ты не превозносился, для того, чтобы ты опытно позналъ въ нихъ помощь Божію, для того, чтобы ты укрѣпился въ вѣрѣ и получилъ вѣнецъ. — Послѣ того, что совершилось при крещеніи Господа, Онъ почувствовалъ въ Себѣ, по человечеству Своему, особенную нужду въ уединеніи. Кому Богъ давалъ послѣ усердной молитвы ощущать въ себѣ нѣчто новое, свѣтлое, радостное, тотъ знаетъ по себѣ, какъ дорогъ послѣ такихъ минутъ покой и уединенное размышле-

*) См. «Вѣчное» №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

ніе. И Господу Иисусу нужно было уйти отъ людей, чтобы въ пустынь, наединѣ съ Богомъ, въ бесѣдѣ съ Своимъ Небеснымъ Отцомъ, строгимъ постомъ и молитвою укрѣпиться на предстоящій Ему великій подвигъ скорбей и страданій ради нашего спасенія. Какъ Человѣкъ, Господь нашъ сознавалъ всю тяготу предстоящаго Ему подвига, и чувствовалъ потребность въ уединеніи излить предъ Отцемъ Небеснымъ это чувство немощи пріятаго Имъ на Себя человѣческаго естества и вмѣсто любви и благодарности къ Нему за то, что испыталъ Онъ на Иорданѣ. «Смотри, говоритъ святой Златоустъ, куда привелъ Его Духъ: не въ городъ, не на площадь, но въ пустыню, дабы діаволъ могъ искусить Его не только голодомъ, но и мѣстомъ уединеннымъ». «И на насъ діаволъ особенно нападаетъ тогда, когда видитъ, что находимся въ уединеніи, наипаче же, когда остаемся безъ совѣта и полагаемся только на свой разумъ. Такъ и къ Евѣ онъ приступилъ тогда, когда она была одна, безъ мужа». Достойно примѣчанія, что первый Адамъ былъ искушенъ ютъ діавола въ прекрасномъ раю; онъ изгнанъ изъ рая и вся земля изъ-за него лишилась Божія благословенія: пустыни носятъ на себѣ разительную печать проклятія Божія. Второй Адамъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, искушаемъ былъ отъ діавола въ пустынь; Онъ побѣдилъ врага и возвратилъ рай роду человѣческому. Въ пустыняхъ дикіе звѣри ищутъ себѣ убѣжища отъ смертельнаго врага-человѣка, который нѣкогда былъ ихъ добрымъ господиномъ и царемъ; но Христосъ Спаситель, какъ Богочеловѣкъ, вступая въ пустыню, не принесъ съ Собою этого вѣкового озлобленія къ безсловеснымъ тварямъ, и потому въ пустынномъ Его уединеніи звѣри окружали Его безбоязненно, подчиняясь Ему такъ же, какъ подчинялись нѣкогда Адаму въ раю земномъ. Вотъ почему и Евангелистъ Маркъ (1, 13) такъ выразительно поворитъ: «и былъ Онъ со звѣрями».

Тремя видами похоти грѣховной искушалъ сатана пратцевъ въ раю: похотию плоти: «дерево хорошо для пиши»; похотию очесъ: «оно пріятно для глазъ», и гордостію житейской: «будете, какъ бѣги» (Быт. 3, 5-6). Такимъ же путемъ искушаетъ онъ и Господа. Весь погруженный въ молитву, весь занятый мыслію о предстоящемъ великомъ служеніи, Иисусъ Христосъ совсѣмъ забылъ о пищѣ. Но по прошествіи сорока дней этого строгаго поста, Онъ, какъ Человѣкъ, ощутилъ въ Себѣ голодъ. И ПОСТИВШИЕСЯ СОРОКЪ ДНЕЙ И СОРОКЪ НОЧЕЙ, НАПОСЛѢДОКЪ ВЗАЛКАЛЪ.

Число 40 въ Священномъ Писаніи напоминаетъ или наказаніе за грѣхъ (40 дней лилъ дождь потопный, 40 лѣтъ евреи странствовали въ пустынѣ), или покаяніе (постъ Моисея, Невитянъ и под.). Не сохранилъ поста первый Адамъ въ раю: Господь Іисусъ, второй Адамъ, восполнилъ это, выдержалъ самый строгій постъ и побѣдилъ искушителя. Самому Ему не нуженъ былъ этотъ постъ, но Онъ восхотѣлъ подать намъ примѣръ, указать на постъ, какъ на спасительное средство побѣждать врага. «Изъ сего познай, — поучаетъ святыи Златоустъ, — какое великое благо и сколь сильное оружіе противъ діавола есть постъ; познай и научись, что омытому водами крещенія не должно предаваться пресыщенію и пьянству». — По сорока дней постились нѣкогда и великіе пророки Моисей и Ілія; и Христосъ Спаситель не восхотѣлъ превзойти мѣру сихъ святыхъ постниковъ, дабы не было сомнѣнія въ Его вочеловѣченіи, и чтобы противникъ — діаволь, узнавъ, кто Онъ, не убѣждалъ отъ брани. «Смотри, говоритъ святыи Златоустъ, съ какою хитростію, съ какимъ лукавствомъ приступаетъ сатана: не тогда приступилъ, когда Іисусъ молился, а выждалъ время, когда Онъ взалкалъ. Но этимъ-то алканіемъ Спаситель и подаль ему случай приступить къ Нему: по Своему Божеству Господь неприступенъ діаволу». «Если же діаволь нагло дерзнулъ приступить къ Самому Іисусу Христу, въ Которомъ «не имѣлъ ничего» (Іо. 14, 30) грѣховнаго, то не должно ли заключить, что сей адскій вѣтръ всегда дышитъ въ міръ и силится раздуть всякую искру похоти въ челоуѣкѣ?» (митр. Филаретъ). Въ какомъ видѣ приступилъ діаволь ко Господу, Евангелисты не говорятъ; во всякомъ случаѣ, это не было только мысленное внушеніе грѣховныхъ помысловъ отъ врага, а дѣйствительно, открыто явившійся духъ злобы — сатана. И ПРИСТУПИЛЪ КЪ НЕМУ ИСКУШИТЕЛЬ И СКАЗАЛЪ: напрасно Ты не пользуешься Своею силою для Своихъ потребностей земныхъ; что за нужда Тебѣ терпѣть голодь? ЕСЛИ ТЫ СЫНЪ БОЖІЙ, то вотъ камни пустынные, они удивительно походятъ на хлѣбы: СКАЖИ, ЧТОБЫ КАМНИ СИИ СДѢЛАЛИСЬ ХЛѢБАМИ. Вѣдь Тебѣ это ничего не стоитъ: стоитъ только слово сказать и эти камни обратятся въ хлѣбы, и Ты утопишь голодь, а вмѣстѣ съ тѣмъ докажешь, что Ты дѣйствительно Сынъ Божій: иначе кто-же Тебѣ повѣритъ въ томъ, если Ты и этого не сможешь сдѣлать?... Не сказалъ искушитель: если Ты алчешь, полагая,

что это постыдно для Иисуса, но сказалъ: если Ты Сынъ Божій, надѣясь обоolestить Его похвалами. Въ то же время онъ не знаетъ, что думать объ Иисусѣ: простой ли Онъ человѣкъ или нѣтъ; слышалъ онъ на Іорданѣ гласъ съ неба, называвшій Иисуса Сыномъ Божиимъ; слышалъ и славное свидѣтельство Іоанново; но вдругъ видитъ Его алчущимъ, и недоумѣваетъ: какъ же это можетъ алкать Сынъ Божій? Это недоумѣніе діавола слышится и въ его рѣчахъ. Тайна вочеловѣченія была сокрыта отъ него; онъ полагалъ, что Иисусъ не больше, какъ праведный человѣкъ, за добродѣтель усыновленный Богомъ. И, конечно, по своему сатанинскому праву онъ не могъ не завидовать Иисусу въ такой высокой чести, какъ онъ завидовалъ и первому Адаму. Онъ не забылъ и своего древняго искусства: чѣмъ соблазнилъ онъ Адама, чѣмъ потубилъ тысячи людей, тѣмъ же самымъ теперь начинаетъ свое оболъщенье — невоздержаніемъ чрева. Онъ притворяется благожелателемъ, какъ бы заботится объ утоленіи голода Иисуса Христа; но подъ этимъ видомъ благожеланія незамѣтно старается склонить Его отложить терпѣніе и употребить силою чудодѣйственную къ упожденію плоти. — Что же Христосъ Спаситель? Онъ прямо говорить о томъ, о чемъ умолчалъ діаволъ; Онъ не стыдится того, что алчетъ; но не хочетъ ни въ чемъ повиноваться діаволу, чтобы и насъ научить не слушаться его даже и тогда, когда онъ будетъ внушать что нибудь полезное. Такъ и впоследствии Онъ повелѣвалъ бѣсамъ молчать, когда они называли Его Сыномъ Божиимъ. **ОНЪ ЖЕ СКАЗАЛЪ ЕМУ ВЪ ОТВѢТЪ: НАПИСАНО:** въ книгѣ Второзаконія: **НЕ ХЛѢБОМЪ ОДНИМЪ БУДЕТЪ ЖИТЬ ЧЕЛОВѢКЪ, НО ВСЯКИМЪ СЛОВОМЪ, ИСХОДЯЩИМЪ ИЗЪ УСТЪ БОЖИИХЪ** (Втор. 8, 3). И помимо хлѣба у Бога есть много способовъ пропитать человѣка. Ты желаешь, чтобы Я сотворилъ чудо для Своего удовольствія, но Я этого не сдѣлаю. Если бы такое чудо было нужно, то Самъ Богъ и сотворилъ бы его для Меня. Но Онъ не творитъ: значить оно не нужно. Я и буду терпѣть голодъ, пока Богу будетъ угодно насытить Меня. Я буду творить чудеса; но не для Себя, а для славы Божіей, для спасенія людей. Если волосъ съ головы человѣка не падаетъ безъ воли Божіей, то тѣмъ паче Богъ не попуститъ Мнѣ умереть съ голоду; надо только во всемъ предать себя благому Божію попеченію. А Богъ можетъ и единымъ словомъ Своимъ утолить нашъ голодъ.

У чело́вѣка есть нужды болѣе важныя, чѣмъ пропитаніе: пища духовная важнѣе тѣлесной. Моя пища есть — «творить волю Пославшаго Меня и совершить дѣло Его» (Іоан. 4, 34). И бесѣда съ Богомъ, молитва, для Меня сладостнѣе всякой пищи. — Такъ діаволъ хотѣлъ обличить Іисуса Христа въ невѣріи Промыслу Божію, но Христосъ Спаситель всецѣло возложилъ надежду на Отца Своего Небеснаго и не восхотѣлъ угождать Своей плоти чудеснымъ образомъ. Искушеніе отъ плоти Онъ побѣдилъ воздержаніемъ. Но діаволъ хорошо знаетъ, что если чело́вѣка нельзя побѣдить чревоугодіемъ, то иногда легко обольстить гордостію, тщеславіемъ и корыстолюбіемъ. И честолюбецъ, и корыстолюбецъ часто забываютъ о пищѣ, заняты заботами о почестяхъ и богатствѣ. А тотъ, кто побѣдилъ искушеніе похоти плоти, легко можетъ забыться, вообразить себя въ полной безопасности, и не замѣтить, какъ подкрадется врагъ съ другой стороны. И вотъ, сатана пытается искусить Христа безграничнымъ упованіемъ на Бога и духовною гордостію. ПОТОМЪ БЕРЕТЪ ЕГО ДІАВОЛЪ, беретъ, не насильственно влечетъ противъ Его воли, а просто предлагаетъ Ему идти и сопровождаетъ ЕГО ВЪ СВЯТЫЙ ГОРОДЪ Іерусалимъ, И ПОСТАВЛЯЕТЪ ЕГО НА КРЫЛЪ ХРАМА, вѣроятно на кровлѣ притвора Соломонова, откуда, по словамъ Іудейскаго историка Іосифа Флавія, нельзя было и смотрѣть внизъ, къ потоку Кедронскому, безъ головокруженія, — такъ было высоко*), и начинаетъ непримѣтно клеветать на Бога: И ГОВОРИТЬ ЕМУ: вотъ Ты сказалъ, что надѣешься на Бога, Который не попуститъ Тебѣ умереть; покажи же теперь на дѣлѣ Свою крѣпкую вѣру, Свое упованіе на Бога. Богъ назвалъ Тебя Сыномъ, но не ввелъ ли Тебя въ обольщеніе? ЕСЛИ дѣйствительно ТЫ СЫНЪ БОЖІЙ, то покажи Свою Божественную силу. Видишь внизу стоитъ народъ; этому народу нужно показать, что Ты — Сынъ Божій, и такъ — БРОСЬСЯ ВНИЗЪ... Тебя, конечно, сохранятъ ангелы, народъ увидитъ чудо Твоего спасенія и признаетъ Тебя Мессіею. Ты ссылаешься на Писаніе; Писаніе и велитъ уповать на Бога, и уповающему обѣщается помощь Божія: ИБО НАПИСАНО въ Псалмахъ: АНГЕЛАМЪ СВОИМЪ ЗАПОВѢДАЕТЪ О ТЕБѣ, И НА РУКАХЪ ПОНЕСУТЪ ТЕБЯ, ДА НЕ ПРЕТКНЕШЬСЯ О КАМЕНЬ НОГОЮ ТВОЕЮ

*) Отсюда, по преданію, былъ сброшенъ св. апостолъ Іаковъ братъ Божій.

(Пс. 90, 11-12). Это обѣщано всякому вѣрующему: если Ты Сынъ Божій, то тѣмъ паче Богъ для Тебя все сдѣлаетъ, только бы Ты пожелалъ. — Такъ хитро сплетаетъ врагъ свои сѣти. Увидѣлъ юнъ, что Священное Писаніе, слово Божіе, есть законъ жизни для Христа Спасителя: и юнъ ссылается на то же Писаніе, только перетолковываетъ его по своему, для своихъ злыхъ цѣлей. Но и на эти извивы лукавой лести Господь такъ же спокойно и кротко отвѣтилъ словами Писанія — тѣмъ же оружіемъ, какое врагъ обращалъ на Него: ИСУСЪ СКАЗАЛЪ ЕМУ: правда, въ Писаніи есть такое изреченіе; но этими словами Писанія не дается повелѣніи броситься въ пропасть, нарочито подвергать себя опасности. Ты привелъ слова Писанія: «Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ», а умолчалъ, что тамъ же дальше сказано: «во всѣхъ путяхъ твоихъ», а то, что ты мнѣ предлагаешь, — не есть путь, Богомъ опредѣленный. Въ томъ же Писаніи, въ книгѣ Второзаконія (6, 16) НАПИСАНО ТАКЖЕ: НЕ ИСКУШАЙ ГОСПОДА БОГА ТВОЕГО. Грѣшно требовать отъ Господа Бога чуда безъ всякой нужды. Правда, Господь готовъ и чудо сотворить для вѣрующихъ въ Него, но только тогда, когда есть дѣйствительная опасность, а не тогда, когда человѣку придетъ на мысль требовать чуда. — Такимъ отвѣтомъ, говоритъ святой Златоустъ, Господь поучаетъ насъ, что діавола должно побѣждать не чудесными знаменіями, а незлобіемъ и смиреніемъ, и ничего не надобно дѣлать для тщеславія, только для того, чтобы показать себя. Какой дивный урокъ всѣмъ, кто зараженъ духовною гордостію, кто считаетъ себя избранникомъ Божіимъ и безъ всякой нужды самъ напрашивается на искушеніе! Какой урокъ и тому, кто беретъ самочинно, по своему мышленію, толковать Священное Писаніе! Спаситель показалъ, что нельзя брать мѣста Священнаго Писанія отрывками, не обращая вниманія на другія мѣста того же Писанія. Но именно такъ и дѣлаютъ всѣ тѣ, которые по своему мудрованію толкуютъ слово Божіе. Такъ поступаютъ всѣ сектанты и имъ подобные. Подумали бы они: кому уподобляются?... — Итакъ, діаволъ не могъ побѣдить Господа и сомнѣніемъ. Но юнъ еще не терялъ надежды побѣдить Его властолюбіемъ и корыстолюбіемъ. Можетъ быть онъ такъ рассуждалъ: «не ошибся ли я, почитая этого чловѣка чудотворцемъ? Въ самомъ дѣлѣ: Онъ еще не сотворилъ ни одного чуда, а я требовалъ отъ Него чудесъ; Онъ

потому и не поддался мнѣ, что не можетъ творить чудесъ. Испытаю теперь самое вѣрное средство: оболещу Его похотию очесъ»... — «Не удивляйся, — замѣчаетъ святой Златоустъ, — что діаволъ, искушая Христа, бросается то въ ту, то въ другую сторону. Какъ бойцы, получивъ смертоносную рану, и обливаясь кровію, въ сильномъ головокруженіи мечутся во всѣ стороны: такъ и онъ, пораженный уже дважды начинаетъ говорить безъ разбора, что пришло на умъ»... — **ОПЯТЬ БЕРЕТЪ ЕГО ДІАВОЛЪ НА ВЕСЬМА ВЫСОКУЮ ГОРУ** — преданіе указываетъ на ту же гору искушенія въ пустынь Іудейской, — съ этой горы открывается обширный видъ на всю страну Іорданскую отъ моря Мертваго до моря Галилейскаго, И съ этой-то горы діаволъ **ПОКАЗЫВАЕТЪ ЕМУ** — Іисусу Христу — **ВСѢ ЦАРСТВА МІРА И СЛАВУ ИХЪ** — все, что есть на землѣ прекраснѣйшаго, богатѣйшаго, наилучшаго... Все это сатана показалъ во мгновение ока, мечтаніемъ или призракомъ, представилъ очамъ, зрѣнію, потому что человѣкъ скорѣе соблазняется тѣмъ, что видитъ, нежели тѣмъ, о чемъ только слышитъ. Самъ діаволъ смотрѣлъ на міръ съ злобной радостію: онъ радовался, что успѣлъ низвергнуть столько милліоновъ людей въ бездну порока и идолопоклонства, нанести имъ столько бѣдъ и страданій. Онъ надѣялся, что и тѣ немногіе праведники, что живутъ среди народа Іудейскаго, будутъ скоро ему же принадлежать: конечно, онъ сдумаетъ и ихъ соблазнить, загубить... А Христосъ Спаситель смотрѣлъ на міръ съ великою скорбію: Онъ скорбѣлъ о грѣхахъ рода человѣческаго. Онъ съ любовію помышлялъ: сколько страждущихъ сердецъ ждали отъ Него утѣшенія, сколько сидящихъ во тьмѣ ожидали отъ Него свѣта!... И Онъ пламенѣлъ любовію къ грѣшному роду человѣческому, жаждалъ умереть за спасеніе людей... И кто знаетъ? Можетъ быть мысль о томъ, что скоро настанетъ конецъ власти діавола, похищенной имъ у Бога, что скоро крестомъ будетъ сокрушена глава сего змія-искусителя, — можетъ быть эта мысль озарилъ радостію Божественное лицо Его... А діаволъ, не понимая тайны души Его, думалъ, что это радость міролюбца, что Христосъ готовъ былъ поддаться его искушенію... И вотъ, онъ спѣшитъ воспользоваться этой минутой: И **ГОВОРИТЪ ЕМУ**: я вижу теперь, что Ты — не Сынъ Божій: Ты не могъ превратить камня въ хлѣбъ; Ты отказался положиться на силу Божію, — словомъ: Ты не хочешь искушать Господа. Но можно сдѣлаться Мессіею и не искушая

Господа. Я готовъ Тебѣ помочь въ этомъ. Смотри: все, что видишь, всѣ царства міра, ВСЕ ЭТО ДАМЪ ТЕБѢ, ЕСЛИ ПАДШИ ПОКЛОНИШЬСЯ МНѢ... Вотъ до какой дерзости дошелъ сатана: онъ присвоиваетъ себѣ власть надъ всѣмъ міромъ видимымъ, власть, единому Богу принадлежащую, и требуетъ, чтобы Господь Иисусъ Христосъ поклонился ему какъ богу... Онъ хочетъ, чтобы Христосъ Спаситель отрекся отъ Своего великаго дѣла спасенія рода человѣческаго и — изъ-за почестей, изъ-за корысти земной — сталъ послушнымъ рабомъ его — сатаны!... Въ этомъ послѣднемъ искушеніи діаволъ соединилъ всю силу своего адскаго соблазна. Вѣдь почести и богатства, которыя онъ предлагалъ, ведутъ и къ роскоши, къ угожденію плоти, и къ гордости, самомнѣнію и тщеславію... Онъ предлагалъ устроить то царство, о которомъ мечтали Іудеи, устроить безъ борьбы съ грѣхомъ, безъ страданій, немедленно. Это не было бы уже царство Божіе, царство небесное, а только земное, человѣческое, въ которомъ былъ бы верховнымъ владыкою не Христосъ Спаситель, а онъ — діаволъ-искуситель. И для Господа нашего, для Его любящаго сердца, искушеніе состояло въ томъ, что діаволъ предлагалъ Ему власть надъ всѣмъ міромъ такъ дешево: поклонись мнѣ и все будетъ Твое... Зачѣмъ Тебѣ страдать и терпѣть скорби?... — Кто изъ насъ грѣшныхъ устоялъ бы противъ такого искушенія? Насъ не ускушаетъ врагъ цѣлыми царствами: какойнибудь грошовой вещи иногда достаточно, чтобы мы поклонились ему. — Но не зналъ онъ, всегубитель, съ Кѣмъ имѣлъ теперь дѣло, не зналъ, что предъ лицомъ Сына Божія онъ хулитъ Бога Отца. И Господь Иисусъ не потерпѣлъ болѣе такого ужаснаго богохульства: ТОГДА ИИСУСЪ ГОВОРИТЪ ЕМУ — сказалъ все тѣмъ же спокойнымъ, но въ то же время и Божественно-властнымъ словомъ Своимъ: ОТОЙДИ ОТЪ МЕНЯ — отойди прочь отъ Меня, САТАНА — противникъ Божій! И Свое Божественное повелѣніе подтвердилъ словомъ Писанія: ИБО НАПИСАНО: ГОСПОДУ БОГУ ТВОЕМУ ПОКЛАНЯЙСЯ, И ЕМУ ОДНОМУ СЛУЖИ (Втор. 6, 13). Вострепеталъ діаволъ отъ этихъ словъ Господа и поспѣшилъ со стыдомъ удалиться: ТОГДА ОСТАВЛЯЕТЪ ЕГО ДИАВОЛЪ, И СЕ, АНГЕЛЫ ПРИСТУПИЛИ И СЛУЖИЛИ ЕМУ. Доколѣ продолжалась брань, замѣчаетъ св. Златоустъ, Христосъ не попускалъ являться ангеламъ, дабы ихъ явленіемъ не отогнать того, кого надлежало уловить.

А когда побѣдилъ его и заставилъ бѣжать, тогда явились и ангелы. Чѣмъ ангелы Божіи послужили Господу въ пустынѣ —объ этомъ въ Евангеліи не сказано: можетъ быть они принесли Ему пищи, въ которой Онъ имѣлъ нужду, и такимъ образомъ, чудесно, помимо Его воли, утолили Его пологь. Все это совершилось для тебя, христіанинъ, поревнуй же и подражай побѣдѣ Спасителя. Если кто изъ служителей демона приступитъ къ тебѣ, и издѣваясь надъ тобою, будетъ говорить: «переставь гору, если ты чудотворецъ и человекъ великій», ты не возмущайся и кротко отвѣчай, какъ отвѣчалъ Владыка Христосъ: «не искушай Господа Бога твоего». Не одного Владыку такъ искушалъ діаволъ: и противъ каждого изъ рабовъ Его онъ строитъ тѣ же ковы не только самъ собою, но и чрезъ людей, собратій нашихъ. Что же намъ дѣлать? Совершенно не вѣрить ему, ненавидѣть его, и чѣмъ болѣе онъ общается, тѣмъ болѣе отвращаться отъ него. Онъ ведетъ съ нами непримиримую брань: не столько мы заботимся о своемъ спасеніи, сколько онъ о нашей гибели. Будемъ отражать его побѣдоноснымъ оружіемъ слова Божія: симъ оружіемъ Самъ Начальвождь нашъ Господь Иисусъ удержалъ благотворную и образцовую для насъ побѣду надъ начальникомъ зла. И троекратно симъ мечемъ духовнымъ пронзенный врагъ въ изнеможеніи оставилъ мѣсто сраженія. Вооружайся и ты, христіанинъ, глаголомъ Божіимъ, держи его въ твоей памяти и въ твоемъ сердцѣ, и никакое зло не будетъ для тебя непобѣдимо. И насъ послѣ побѣды надъ нимъ радостно встрѣтятъ ангелы, и будутъ ограждать во всѣхъ путяхъ нашихъ...

Первая проповѣдь Господа въ Галилеѣ.

Мф. 4, 12-17.

Прошло довольно времени послѣ искушенія Господа Иисуса въ пустынѣ. Онъ приходилъ въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Недолго Онъ пробылъ тамъ. Онъ видѣлъ, что гордые книжники и фарисеи, а за ними и простые Іудеи, менѣе способны слушать Его Божественное ученіе, чѣмъ простодушные Галилеяне. Около этого времени Иродъ четверовластникъ заключилъ своего неподкупнаго обличителя, Предтечу Господня Іоанна, въ темницу. Святый Златоустъ замѣчаетъ, что къ этому подстрекнули Ирода Іудейскіе начальники, потому что святый Предтеча и ихъ обличалъ без-

поощаю. Можно было ожидать, что они возстанутъ и противъ Христа Спасителя, а потому Господь удалился изъ Іудеи въ Галилею, научая и насъ не впадать въ опасность безъ особой нужды. УСЛЫШАВЪ ЖЕ ИСУСЪ, говоритъ святой Матфей, ЧТО ІОАННЪ ОТДАНЪ подѣ стражу, УДАЛИЛСЯ ВЪ ГАЛИЛЕЮ. Эта прекрасная страна лежала между Самаріею съ юга и горами Ливанскими съ сѣвера. Мягкій благоуханный климатъ, необыкновенное плодородіе почвы и роскошная растительность ея горъ и долинъ давали Галилеѣ видъ цвѣтушаго сада. Во времена Христа въ ней было болѣе двухъ сотъ городовъ и селеній, и до четырехъ милліоновъ жителей. Эту-то страну и избралъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ для Своего пребыванія: здѣсь Онъ большею частію проповѣдывалъ, здѣсь творилъ чудеса, здѣсь же, изъ простыхъ рыбаковъ Галилейскихъ, Онъ благоволилъ избрать Себѣ и апостоловъ. Правда, въ Галилеѣ больше было невѣжества въ отношеніи къ ученію вѣры, а потому Іудеи смотрѣли на Галилеянъ съ презрѣніемъ: «отъ Галилеи пророкъ не приходитъ; изъ города Галилейскаго можетъ ли что добраго выйти?» — таково было общее мнѣніе Іудеевъ о Галилеянахъ, и это мнѣніе обратилось у нихъ даже въ поговорку. Въ Галилеѣ не было такихъ ученыхъ книжниковъ, какіе были въ Іерусалимѣ и Іудеѣ; но за то Галилеяне не были и такъ заражены разными предразсудками и ложными представленіями о грядущемъ Мессіи, какъ природныя Іудеи. Правда и то, что они не были совершенно чужды этихъ предразсудковъ, но у нихъ эти предразсудки происходили просто отъ невѣжества, тогда какъ у Іудеевъ они были плодомъ ихъ фарисейской гордости и самомнѣнія. Вотъ почему всѣ ученики Господа Іисуса были Имъ избраны изъ Галилеянъ. Вотъ почему и Самъ Онъ главнымъ образомъ пребывалъ въ Галилеѣ во время Своего общественнаго служенія спасенію рода человѣческаго. Только по временамъ посѣщалъ Онъ Іудею и Іерусалимъ, особенно въ годовые праздники: Пасху, Кушей и Пятидесятницу. И ОСТАВИВЪ НАЗАРЕТЪ, гдѣ жители не приняли Его, ПРИШЕЛЪ И ПОСЕЛИЛСЯ ВЪ небольшомъ городкѣ КАПЕРНАУМЪ ПРИМОРСКОМЪ — на берегахъ свѣтлаго озера или моря Галилейскаго, ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ЗАВУЛОНОВЫХЪ И НЕФАЛИМОВЫХЪ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя принадлежали нѣкогда колѣнамъ двухъ сыновей Іакова, Завулона и Непалима. Это былъ прекраснѣйшій по мѣстоположенію уголокъ святой Земли: на живописныхъ берегахъ моря Га-

лилейскаго цвѣли и благоухали роскошныя сады съ апельсинными, миндальными и гранатовыми деревьями; повсюду видны были высокія пальмы, богатые виноградники, смоковницы и маслины; плоды на деревьяхъ можно было видѣть въ продолженіе цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ въ году. Свѣтлой, серебристой лентой пробѣгаетъ по срединѣ озера быстрый Іорданъ и убѣгаетъ далѣе на югъ къ Мертвому морю. Такова была мѣстность, куда удалился Господь изъ роднаго Ему, но не гостепріимнаго Назарета. **ДА СБУДЕТСЯ, замѣчаетъ Евангелистъ, РЕЧЕННОЕ ЧРЕЗЪ ПРОРОКА ИСАЮ, КОТОРЫЙ ГОВОРИТЬ: ЗЕМЛЯ ЗАВУЛОНОВА, И ЗЕМЛЮ НЕФАЛИМОВА, НА ПУТИ ПРИМОРСКОМЪ —** лежащая на пути приморскомъ — **ЗА ІОРДАНОМЪ, ГАЛИЛЕЯ ЯЗЫЧЕСКАЯ, НАРОДЪ, СИДЯЩІЙ ВО ТЬМѢ, УВИДѢЛЪ СВѢТЪ ВЕЛИКІЙ, И СИДЯЩИМЪ ВЪ СТРАНѢ И ТѢНИ СМЕРТНОЙ ВОЗСІЯЛЪ СВѢТЪ (Ис. 9, 1-2).** Въ Галилеѣ, особенно въ сѣверной ея части, много было язычниковъ: здѣсь можно было встрѣтить и дикихъ арабовъ пустыни, и образованныхъ грековъ, и промышленныхъ финикянъ, сиріянъ и высокомерныхъ римлянъ... Вотъ почему эта страна и называлась Галилеею языческою. Всѣ эти язычники были погружены во тьму идолопоклонства: они не знали истиннаго Бога, и какъ ходящіе во тьмѣ не видятъ, куда идутъ, такъ и они, не зная пути заповѣдей Божіихъ, находились въ глубокой тьмѣ и смерти. Посему-то пророкъ и называетъ ихъ сѣдящими во тьмѣ и тѣни смертной. Не искали они свѣта истиннаго, — Самъ Свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, Самъ Христосъ возсіялъ имъ — явился, пришелъ къ нимъ и просвѣтилъ ихъ свѣтоносною проповѣдію о покаяніи. «Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ святой Златоустъ, родъ человѣческій, предъ пришествіемъ Христовымъ находился въ самомъ бѣдственномъ состояніи: люди, объятые тьмою идолопоклонства, не зная, куда итти, уже не ходили, по выраженію пророка, а «сидѣли во тьмѣ»: это значить, что они даже и не надѣялись освободиться отъ тьмы». «Сидѣли «въ тѣни смертной», говоритъ Московскій святитель Филаретъ, то есть, во грѣхѣ, который называется тѣнію смерти, потому что смерть разрушаетъ тѣло, а грѣхъ только лишаетъ душу жизни, то есть, благодати Божіей, но не разрушаетъ ее, ибо она безсмертна. И имъ «возсія Свѣтъ», то есть, неожиданно для нихъ явился Христосъ и просвѣтилъ язычниковъ, которые не ожидали Его такъ, какъ ожидали Евреи». **СЪ ТОГО ВРЕМЕНИ, какъ умолкъ призыва-**

ющій къ покаянію гласъ Вопіющаго въ пустынѣ и Іоаннъ былъ заключенъ въ темницу, ИСУСЪ НАЧАЛЪ ПРОПОВѢДЫВАТЬ, — проповѣдывалъ Онъ и прежде, но не въ Галилеѣ, а только въ Іудеѣ, въ Іерусалимѣ, на праздникъ Пасхи, и притомъ не столь усиленно, какъ съ этого времени, — теперь же Онъ яснѣе и чаще сталъ возвѣщать то же самое, что проповѣдывалъ и Его Предтеча, и уже не въ пустынѣ, какъ это дѣлалъ Іоаннъ, а повсюду, гдѣ находилъ слушателей; и въ селеніяхъ, и въ городахъ, и въ синагогахъ, и въ домахъ, въ полѣ, на горѣ, на берегу озера, съ лодки — нигдѣ не переставалъ Онъ учить И ГОВОРИТЬ: ПОКАЙТЕСЯ, ИБО ПРИБЛИЗИЛОСЯ ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ. Прежде было на землѣ царство грѣха, царство діавола: теперь настаетъ царство Божіе, царство небесное. Кто хочетъ войти въ это царство, тотъ долженъ оставить всѣ прежнія грѣховныя привычки, долженъ покаяться, перемѣниться. О Самомъ Себѣ Онъ еще не говоритъ ничего, а только продолжаетъ проповѣдь Крестителя: пока народъ не могъ понять, Кто Самъ Онъ, хорошо было и то, если бы приняли уже проповѣданное Іоанномъ. Онъ какъ бы удерживалъ Себя отъ проповѣди и не творилъ много чудесъ, пока Іоаннъ не былъ заключенъ въ темницу, дабы не произвести, какъ замѣчаетъ святой Златоустъ, раздѣленія въ народѣ. И однако же Епѣ проповѣдь отличается отъ Іоаннѣвой уже и теперь: Онъ начинается радостнымъ благовѣстіемъ о небесахъ и царствѣ небесномъ, которое уготовано для слушающихъ Его. Онъ еще не говоритъ о грядущемъ судѣ, какъ говорилъ Іоаннъ, дабы сразу не устроить сердца слушателей. Гласомъ милосердія призываетъ Онъ грѣшниковъ къ покаянію. Зоветь Онъ и насъ съ тобою, читатель мой, зоветь въ царство Свое небесное: покайтесь: только покаяніе можетъ открыть вамъ двери въ это царство вѣчное....

(Продолженіе слѣдуетъ).

Да укрѣпитъ мысль твою воспоминаніе о пришествіи смерти, которой часъ неизвѣстенъ никому изъ людей. Постараемся дѣлать добро, прежде нежели перейдемъ изъ этой жизни. Не знаемъ въ какой день будемъ позваны, чтобъ не оказаться намъ неготовыми и не остаться внѣ чертога съ пятью юродивыми дѣвами, которыя взяли свѣтильники, но не взяли елея въ сосудахъ своихъ.

Преп. Варсонофій.